

РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ ОСЕНЬЮ 1905 года

Е. Д. Черменский

Зарубежная реакционная историография, белоэмигрантская литература отводят ведущую роль в событиях революции 1905—1907 гг. в России либеральной буржуазии, а крушение «конституционного» строя, возмещенного манифестом 17 октября, объясняют «непримиримой, бескомпромиссной» позицией кадетов, которые отвергли соглашение с царизмом и потребовали его полной капитуляции¹.

Цель настоящей статьи — показать истинный смысл поворота либеральной буржуазии после 17 октября от оппозиции, носившей лояльный характер, к активной поддержке царизма против революции. В статье использованы наряду с опубликованными документами и материалами², мемуарами также архивные источники³.

Осенью 1905 г. революционное движение охватило всю страну. Первой молнией, осветившей новое поле сражения, явились сентябрьские события в Москве⁴. 19 сентября началась забастовка рабочих типографии Сытина, превратившаяся вскоре во всеобщую стачку московских печатников. В последующие дни к ней примкнули деревообделочники, трамвайщики, пекари, металлисты. Бастовали почти все предприятия. Перестали выходить газеты. Забастовка приобрела политический харак-

¹ В. А. Маклаков. Власть и общественность на закате старой России. 1936; его же. Из воспоминаний. Нью-Йорк. 1954; Viktor Leontovitsch. Geschichte des Liberalismus in Russland. Frankfurt am Main. 1957; L. Schapiro. The Communist Party of the Soviet Union. New York. 1960.

² «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года». Чч. 1—2. М.-Л. 1955; «Большевики во главе Всероссийской политической стачки в октябре 1905 года». Сборник документов и материалов. Ч. 1. М.-Л. 1955; «К истории манифеста 17 октября». «Красный архив». Т. 4. 1923; «Записка зубатовца Ушакова о его беседе с великим князем Николаем Николаевичем 15 октября 1905 г.»; «Манифест 17 октября». «Красный архив». Т. 4—5. 1925.

³ С. Ю. Витте. Воспоминания. Тт. 2, 3. М. 1960; Д. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М. 1918; А. П. Извольский. Воспоминания. Птгр.—М. 1924; И. В. Гессен. В двух веках. Жизненный отчет. «Архив русской революции». Т. XXII. Берлин. 1937; П. Миллюков. Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк. 1955; Сергей Четвериков. Безвозвратно ушедшая Россия. Берлин. Б/г; Н. И. Астров. Воспоминания. Париж. 1940; С. Франк. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк. 1956; архивные источники из следующих фондов: Государственной канцелярии (Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 1544), Совета Министров (ЦГИА СССР, ф. 1276), Департамента полиции (Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), ф. 102), кадетской партии (ЦГАОР СССР, ф. 523), «Союза 17 октября» (ЦГАОР СССР, ф. 115), а также из личных фондов: С. Ю. Витте (ЦГИА СССР, ф. 1000), А. А. Киреева (РОБИЛ, ф. 126), Н. П. Вишнякова (ЦГАОР СССР, ф. 875), Д. А. Милютина (РОБИЛ, ф. 169), Д. Ф. Трепова (ЦГАОР СССР, ф. 595), Г. О. Рауха (ЦГИА СССР, ф. 1656), А. А. Мосолова (ЦГАОР СССР, ф. 1001).

⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 345, 353.

тер. Рабочие устраивали многолюдные демонстрации и митинги, на которых ораторы-большевики призывали народные массы к вооруженному восстанию и свержению самодержавия.

Демократическая часть студенчества решила использовать аудитории высших учебных заведений для открытых митингов. Участие в них рабочих превратило эти митинги в грандиозные революционные собрания. Либеральные профессора были обеспокоены превращением «храмов науки» в «революционные трибуны». П. Б. Струве писал об «огромной политической и тактической ошибке делать университеты тараном революции, плоды которой в виде глубокого разлада между учащими и учащимися уже налицо»⁵. Первый выборный ректор университета, С. Н. Трубецкой, крайне взволнованный и растерянный, посетил полицмейстера Медема и просил у него совета, что делать. Трубецкой уговорил Медема ехать на заседание совета университета, где последнему задали вопрос, не закрыть ли университет. Медем отвечал, что ему приказано не вмешиваться в университетские дела, и тогда профессора решили сами закрыть университет⁶. Вместе с тем совет, признавая ненормальным такое положение, при котором высшие учебные заведения оказывались единственным местом, где беспрепятственно проходили митинги, постановил возбудить через ректора перед правительством ходатайство о необходимости издать закон о свободе собраний и неприкосновенности личности⁷. Отправившийся в Петербург С. Н. Трубецкой скоропостижно умер в приемной министра просвещения. Ему он намеревался представить список трехсот студентов, которых следовало бы удалить из университета. Генерал Д. Ф. Трепов отказал министру просвещения в помощи, заявив, что «если ваши студенты начнут бунтовать на улице, я их усмирю, а если они бунтуют в стенах университета, то это ваше дело, а не мое! На то у вас и автономия!»⁸.

6 октября в Москве началась забастовка железнодорожников. Их примеру последовали промышленные рабочие, служащие торговых предприятий и городского транспорта, чиновники, учащаяся молодежь. По всей стране бастовало свыше двух миллионов человек.

«Барометр показывает бурю! — писал В. И. Ленин после получения первых известий о стачке — ...И не только барометр показывает бурю, но все и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска. Революция идет вперед с поразительной быстротой, развертывая удивительное богатство событий...»⁹. В. И. Ленин придавал исключительное значение Октябрьской всеобщей стачке потому, что она вплотную подвела массы к вооруженному восстанию.

Либеральная буржуазия в период обострения революционной борьбы стала переходить в лагерь контрреволюции. Редактор журнала «Освобождение» П. Б. Струве видел «опасность теперешнего стачечного движения русских рабочих» в том, что, «будучи совершенно не соображено с объективными экономическими условиями и даже нуждами самих рабочих, готовит им поражение и что из этих поражений может со стихийной силой вырасти у самих рабочих противореволюционное настроение»¹⁰. Один из лидеров земской оппозиции, В. Д. Кузьмин-Караваев, рисовал мрачные перспективы «русского бунта»: «Какой выйдет Россия из беспрецедентного испытания, — ум отказывается себе представить. Перед нашими грядущими ужасами бледнеют ужасы, пережитые Францией в конце XVIII века. Чужестранное вмешательство разорвет страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма раз-

⁵ «Освобождение», 1905, № 78/79, стр. 496.

⁶ «Красный архив». Т. 3(40), 1930, стр. 64.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. доп. к XVI т., д. 7, л. 327.

⁸ РОБИЛ, ф. 126, картон 13, л. 84.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 1.

¹⁰ «Освобождение», 1905, № 78/79, стр. 497.

рушат семью, выражение религиозного культа, собственности, все основы права»¹¹. Таким образом, в Октябрьской всеобщей стачке буржуазия видела пугавшие ее призраки социалистической революции.

По мере того как забастовка, парализуя экономическую жизнь страны, становилась всеобщей, среди буржуазии крепла решимость положить конец «эксцессам». Застрельщиками похода против забастовочного движения выступили представители банков. На совещании 13 октября они постановили: не поддаваться запугиваниям забастовщиков и закрывать кредитные учреждения только в случаях крайней необходимости¹².

В то же время у капиталистов закрадывалось сомнение, в состоянии ли правительство отбить революционный натиск рабочего класса. Москва фактически находилась во власти бастующих. Когда представители банков обратились к генерал-губернатору с просьбой установить военную охрану финансовых учреждений, он ответил, что не располагает для этого достаточным числом войск¹³. Явное бессилие властей не могло не вызывать у буржуазии колебаний, которые иногда проявлялись в парадоксальной форме. Например, представители банков настаивали на введении военного положения при «одновременном даровании русскому народу широких реформ и свобод»¹⁴.

14 октября состоялось экстренное заседание московского биржевого комитета. Председатель его Н. А. Найденов предложил просить генерал-губернатора П. П. Дурново немедленно ввести в Москве военное положение. Ему возражал лидер либеральных фабрикантов С. И. Четвериков, полагая, что при таком возбуждении, которое царит в массах, подобная мера может иметь «гибельные последствия». Однако предложение Найденова было принято. Тогда промышленники либерального толка направили к генерал-губернатору особую депутацию с целью парализовать ходатайство биржевого комитета. От имени депутации Четвериков заверил Дурново в лояльности «купеческой Москвы»¹⁵. В докладной записке, врученной при этом Дурново, утверждалось: «Так как многие действия социал-революционной партии носят несомненно характер насилия, то мы полагаем, что насилию должно быть противопоставлено насилие; и военные меры должны применяться со всей строгостью при защите как личности, так равно имущества граждан». Но военные меры «не только не достигнут цели, т. е. успокоения населения Москвы, но прямо приведут к противоположному результату, ежели совместно с ними безотлагательно не будут удовлетворены стремления подавляющего большинства общества к устройению нашей жизни на началах, вполне ограждающих нас от возможности возврата к старым формам, приведшим Россию на край гибели».

Надуганные размахом революционного движения пролетариата, промышленники отказывались от многих своих либеральных «увлечений». На июльском торгово-промышленном съезде представители либеральной части московских фабрикантов высказались за всеобщее избирательное право. Теперь они выступили «решительно против введения ныне же выборов на основании всеобщей, тайной и прямой подачи голосов, признавая, что такая форма может быть допустима лишь в политически зрелом государстве, а не в России с ее подавляющим процентом безграмотного и совершенно чуждого политической жизни населения»¹⁶.

¹¹ В. Д. Кузьмин-Караваев. Из эпохи освободительного движения. 1. До 17 октября 1905 года. СПб. 1907, стр. 189.

¹² «Русские ведомости», 14 октября 1905 года.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 875, оп. 1, д. 18, л. 23.

¹⁴ «Русские ведомости», 14 октября 1905 года.

¹⁵ Сергей Четвериков. Указ. соч., стр. 46—47.

¹⁶ Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. 16, оп. 95, д. 69, л. 34.

11 октября московская городская дума по предложению С. А. Муромцева единогласно приняла резолюцию¹⁷, в которой в замаскированном виде содержалось даже требование Учредительного собрания. Но принятая резолюция вовсе не отражала настроения и сокровенные чаяния «отцов города». Гласный Н. П. Вишняков писал: «В данном случае есть один исход — подавление рабочего мятежа войсками... Вот с какими мыслями я приехал в думу на заседание 11 октября 1905 г.»¹⁸. На том же заседании дума пришла к заключению, что городская управа обязана увольнять рабочих и служащих, оставивших работу.

15 октября — день крайней растерянности думских кругов. Городской голова князь В. М. Голицын подал в отставку, «не находя в себе достаточного количества сил, чтобы руководить городским делом»¹⁹. В этот день городская дума остро почувствовала не только «паралич» власти, но и свое бессилие овладеть движением. Возникла мысль устроить в думе совещание представителей всех союзов и партий с тем, чтобы найти выход из создавшегося положения. На совещание прибыли представители «Союза освобождения», «Союза союзов», партии эсеров, меньшевистской группы и МК РСДРП. Открывая совещание, Муромцев заявил, что московская городская дума хотела бы услышать пожелания общественных организаций, а затем обсудить эти пожелания на своем заседании, куда по закону посторонние не допускаются. Таким образом, даже в тревожные дни всеобщей забастовки «отцы города» не посмели нарушить царскую законность!

От имени пролетариата представитель МК РСДРП С. И. Черномордик потребовал, чтобы цензовая дума, узурпировавшая права народа, немедленно сложила свои полномочия и передала городскую кассу и все управление Совету из делегатов демократических организаций и революционных партий, который упразднит полицию и заменит ее милицией. Совет общественных организаций должен будет также заняться подготовкой выборов в новую городскую думу на основе всеобщего избирательного права²⁰. Делегат «Союза освобождения» князь Д. И. Шаховской признал требования большевиков «чрезмерными» и предложил ограничиться введением в состав думы представителей демократических союзов и партий с совещательным голосом, а для охраны «порядка» организовать городскую милицию. Это предложение было поддержано представителем меньшевистской группы Кругловым. Вслед за Шаховским он объявил требования большевиков утопическими и основанными на переоценке сил рабочего класса. Выступивший от имени «Союза союзов» Тан (В. Г. Богораз) считал возможным пойти на уступки думцам, «смотря по ходу событий». Эсеры молчали.

«Отцы города» на своем закрытом заседании признали неприемлемым не только сложение думой своих полномочий, но и частичное обновление ее состава за счет представителей общественных организаций. Дума сочла возможным пойти лишь на создание «самообороны». Вместе с тем, чувствуя, как ускользает у нее почва из-под ног, дума стала на путь заигрывания с рабочими. Она решила «пригласить товарищей рабочих водопровода немедленно приступить к работам» и ассигновала 3 тыс. руб. на помощь семьям бастующих рабочих коммунальных предприятий²¹. Но это постановление не было реализовано. На другой день, по сообщению охранки, «настроение гласных изменилось, резолюцию, принятую накануне, многие считали следствием революционного угара и от нее теперь отказываются»²².

¹⁷ Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ), ф. 179, оп. 21, д. 2252.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 875, оп. 1, д. 18, лл. 10—11.

¹⁹ «Журнал московской городской думы», 1905, № 22, стр. 176.

²⁰ «Декабрьское восстание в Москве 1905». Сборник документов. М. 1920, стр. 48.

²¹ «Журнал московской городской думы», 1905, № 22, стр. 176.

²² ЦГАОР СССР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 1350, ч. 26, лл. 36—37.

Желание капиталистов расправиться с рабочими парализовалось полной неуверенностью их в том, располагает ли «тьнь правительства» необходимой военной силой, чтобы подавить движение пролетариата, проявившего высокое политическое сознание и сплоченность.

Основная линия тактики либерального крыла буржуазии сводилась в октябрьские дни к тому, чтобы вывести правительство из состояния растерянности и подсказать ему план действий. 14 октября умеренно либеральное «Слово» писало: «Восстанавливая порядок решительными мерами, необходимо дать также все то, что уже созрело в сознании народном». Освободженческое «Право» предупреждало, что «никогда, быть может, достижение уступок не имело столь решительного значения, как теперь»²³.

В разгар Всероссийской политической стачки, 12—18 октября, происходил учредительный съезд конституционно-демократической партии. Либералы не сочувствовали стачке и вначале не верили в ее успех. Но стачка удалась. Учитывая победоносное шествие революции, либералы «полевели». Во вступительной речи на съезде П. Н. Милюков отмежевался от «аграриев и промышленников» и всячески рекламировал «идейный, внеклассовый характер» своей партии. Подчеркивая «общность целей» у кадетов и их «союзников слева» (так Милюков назвал революционные партии), он уверял, что его партия не пойдет ни на какие соглашения и компромиссы и будет «держаться высоко тот флаг, который уже выкинут русским освободительным движением в его целом, т. е. стремиться к созыву Учредительного собрания, избранного на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»²⁴. Съезд заявил о своей солидарности с забастовочным движением²⁵.

Разумеется, «бескомпромиссная» тактика кадетской партии была сплошным обманом. В действительности кадеты не хотели победы народа, и в том же постановлении, в котором «горячо» приветствовали «организованное мирное и в то же время грозное выступление русского рабочего класса», они заявляли: «От правительства зависит открыть широкий путь торжественному шествию народа к свободе, — или превратить его в кровавую бойню...» Кадетская партия «представляет себе, смотря по ходу событий, принять все те меры, которые будут в ее средствах и в ее власти, чтобы предупредить возможное столкновение»²⁶. Здесь виден явный расчет на то, что правительство введет политические свободы сверху, не дожидаясь, пока они будут вырваны революционными массами.

После издания закона 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной думы в центре внимания правящих кругов стал вопрос об обеспечении единства действий высших органов власти.

27 августа царь предложил обсудить в учрежденном 6 августа под председательством графа Д. М. Сольского «Особом совещании для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил» записку об объединении правительства. В ней подчеркивалось, что Дума явится средоточием «объединенного недовольства» и первым делом ее будет борьба за переустройство существующего порядка. Чтобы встретить эту борьбу во всеоружии и удержать реформу государственного строя в начертанных для нее рескриптом 18 февраля пределах, нужно «сильное» правительство, существенным признаком которого являлось бы полное единомыслие и согласованность действий всех его членов.

Для осуществления общей программы деятельности в записке предлагалось: совет министров и комитет министров заменить одним учре-

²³ «Право», 1905, № 39, стр. 3229, 3231.

²⁴ «Конституционно-демократическая партия, съезд 12—18 октября 1905 г.», М., 1905, стр. 7—8.

²⁵ Там же, стр. 21.

²⁶ Там же, стр. 22—23.

ждением с наименованием совет министров; установить, что никакая общая мера внутреннего управления не может быть принята помимо совета министров; поставить во главе совета министров лицо, которое занимало бы положение руководителя внутренней политики и которое могло бы представлять царю кандидатов на министерские посты, за исключением ведомств императорского двора и уделов, военного, морского, иностранных дел и государственного контроля²⁷.

Вероятно, самое сильное впечатление произвело на царя напоминание в этой записке о судьбе Людовика XVI, погибшего, по мнению ее автора, из-за того, что при открытии в Версале 5 мая 1789 г. Генеральных штатов у его правительства «не было никакого плана» и «государственный корабль был пущен в открытое неизвестное море»²⁸. Прочитав записку, Николай II нашел в ней «очень много верного и полезного» и потребовал от Сольского, чтобы вопрос о совете министров как органе объединения министерств был представлен на его решение²⁹.

Вопрос об объединении правительства сперва рассматривался на частных совещаниях у Сольского (21 и 28 сентября). Сюда были приглашены председатель комитета министров С. Ю. Витте, члены государственного совета Э. В. Фриш, А. А. Половцев, А. А. Сабуров, И. Я. Голубев, Н. С. Таганцев, министры А. Г. Булыгин, В. Н. Коковцов, С. С. Манухин, государственный секретарь Ю. А. Иксуль, а также товарищ министра внутренних дел и петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов.

На этих совещаниях тон задавал Витте, которого после возвращения из Портсмута в правящих сферах прочили в «укротители» революции. По воспоминаниям князя Н. Д. Оболенского, управляющего кабинетом царя, «имя человека, приобретшего для своего отечества мир внешний, естественно, приходило на мысль перед задачей внутреннего успокоения и наделения государства прочным внутренним миром»³⁰. Сольский при встречах с Витте твердил, что только он, Витте, может спасти положение. Когда же Витте выразил желание уехать на несколько месяцев за границу, то Сольский разрыдался и, плача, сказал ему: «Ну, уезжайте, а мы погибнем»³¹.

Примечательно, что высшие бюрократические круги подозревали Витте... в тайных сношениях с «вождями революции»³²! Но в то время «левая» репутация Витте даже импонировала этим кругам, делая его своего рода экспертом по части революционных дел. Член государственного совета А. А. Сабуров писал 16 сентября Д. А. Милютину: «Для Витте готовится новая исполинская работа: обуздать революционное движение в России. Поставленный на страже самодержавия и вместе с тем имея многочисленных поклонников в противоположном лагере, он лучше всякого другого будет в состоянии управлять кораблем в это бурное время»³³.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. доп. к XVI т., д. 5. 1905 г., лл. 3—9. По свидетельству хорошо информированного либерального журналиста Л. Клячко, эта записка была подана царю А. В. Кривошеинным (Л. Клячко. Повести прошлого. Львов. 1930, стр. 15). К. Н. Мироненко ошибочно считает автором этой записки Сольского (К. Н. Мироненко. Совет министров по указу 19 октября 1905 г. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Серия юридических наук. Вып. 1. 1948, стр. 354).

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. доп. к т. XVI, д. 5, л. 6.

²⁹ Там же, лл. 1, 175; ср. дневник А. А. Половцева («Красный архив». Т. 4, 1923, стр. 76).

³⁰ См. С. Ю. Витте. Указ. соч. Т. 3, стр. 24.

³¹ С. Ю. Витте. Указ. соч. Т. 2, стр. 556.

³² «Для меня он (Витте.— Е. Ч.) пока сфинкс... несомненно... его связи и отношения ко многим деятелям крайней левой до революционеров включительно» (из дневника генерала Г. О. Рауха. «Красный архив». Т. 6 (19), 1926, стр. 90).

³³ РОБИЛ, ф. 169, папка 74, № 30. Ср. также с записью в дневнике А. А. Половцева 9 октября 1905 г.: «Говорят, что Витте, собираясь быть первым министром, вошел в сношение с вожаками революционных партий, чтобы избегнуть на первых же порах созыва Государственной думы противодействия их самому факту существования Думы» («Красный архив». Т. 4, 1923, стр. 75).

На совещаниях у Сольского Витте ратовал за создание «сильного правительства, чтобы бороться с анархией». Он говорил, что революционеры «сплочены и организованы» и не встречают сколько-нибудь организованного отпора со стороны правительства. Поэтому «прежде всего надлежит объединить власть». После предварительных совещаний у Сольского в государственной канцелярии был составлен проект «мемории» особого совещания по вопросу об объединении деятельности правительства, причем в основу его была положена рассмотренная выше записка Кривошеина от 6 августа 1905 года.

Руководствуясь проектом «мемории», совещание выработало ряд принципов, на основе которых должно было формироваться объединенное правительство³⁴.

При рассмотрении проекта «мемории» в особом совещании (3, 4, 11 и 12 октября) граф А. П. Игнатьев и А. С. Стишинский считали невозможным присвоить председателю совета министров право представления царю кандидатов на должности министров, так как при отсутствии в России законодательных палат и ответственного перед ними правительства «первый министр будет визирем, ограничивающим самодержавие». Витте, напротив, полагал, что «первому министру не дается тех прав, кои должны бы были ему принадлежать», а потому и «не следует ожидать от объединенного министерства полного переворота в ходе правительственных дел, а лишь улучшения канцелярского делопроизводства»³⁵.

Большинство совещания пришло к заключению, что «задача по направлению и объединению действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления окажется осуществимой в том лишь случае, когда означенные начальники, участвующие в совете министров, будут по крайней мере в главнейших вопросах одинаковых политических убеждений». Поэтому «в круг обязанностей председателя совета министров должно входить представление вашему императорскому величеству кандидатов для замещения должностей министров и главноуправляющих отдельными частями, за исключением, однако, министров военного, морского и императорского двора и уделов, в виду особого характера лежащих на них обязанностей». Впрочем, словно испугавшись своей смелости, большинство членов совещания поспешило сделать оговорку, что «правило это, во избежание превратных его толкований, не должно быть включено в обсуждаемый акт»³⁶.

Между тем события развивались с молниеносной быстротой, и в правящих кругах все больше завоевывала признание мысль о том, что создание объединенного правительства уже недостаточно для «укрощения» революции.

Момент Октябрьской всеобщей забастовки В. И. Ленин оценивал как временное равновесие борющихся сторон, когда «царизм уже не в силах подавить революцию. Революция еще не в силах раздавить царизма»³⁷. Такое равновесие порождало растерянность и колебания в правящем лагере. Одни (члены государственного совета А. П. Игнатьев, К. И. Пален, Н. М. Чихачев, И. Л. Горемыкин и др.) советовали царю «назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу»³⁸, другие считали рискованным из-за недостатка войск прибегать к военной диктатуре и предлагали, пока не поздно, пойти на уступки «общественному мнению» и даровать конституцию.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 25, лл. 70, 73.

³⁵ Дневник А. А. Половцева. «Красный архив». Т. 4, 1923, стр. 72—73.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 25, лл. 73—74.

³⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 28.

³⁸ См. письмо Николая II Марии Федоровне от 19 октября 1905 г. («Красный архив». Т. 3(22), 1927, стр. 167).

По настоянию Сольского Витте просил царя выслушать его соображения о современном положении в стране. На это Николай II ответил согласием.

9 октября Витте прибыл в Петергоф и подал царю записку, где доказывал неизбежность дарования конституции³⁹. «Ход исторического прогресса неудержим,— подчеркивалось в записке.— Идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформы, то путем революции...» Мирное разрешение кризиса еще возможно, но для этого государственной власти, как и в 50-е годы, «надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения». Тогда правительство «сразу приобретет опору и получит возможность ввести движение в границы и в них удержать». Ссылаясь на преданность народа «идее царя», Витте допускал, что «русское народное представительство выльется в своеобразные формы, непохожие на существующие в других странах конституции». Но государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституционный, тем более что на него царь уже вступил, учреждая Государственную думу 6 августа 1905 года.

Касаясь далее положения о выборах в Государственную думу, Витте считал, что «логическая неуязвимость системы всеобщего голосования обязывает принять как идеал будущего именно ее. Практической задачей должно быть создание условий осуществления всеобщего избирательного права». Чтобы поднять престиж Думы в глазах общества, выборы должны производиться действительно свободно. Государственный совет, по мнению Витте, «необходимо поставить на высоту, по авторитету равную Думе». Для этого следует включить в число его членов выборных представителей от дворянства, земства, университетов и, быть может, также от духовенства.

Для успокоения рабочих предлагались «лишь отдельные паллиативные мероприятия, сглаживающие подавление труда капиталом: нормировка рабочего дня, государственное страхование рабочих, образование примирительных камер и т. п.». В целях ослабления аграрного движения намечались продажа крестьянам казенных земель, расширение деятельности Крестьянского поземельного банка и как крайняя мера — выкуп ренты, получаемой помещиками в виде арендной платы. Для разрешения национального вопроса Витте считал возможным предоставление Польше, а также Грузии и другим частям Кавказа автономии в области начального и среднего образования, гражданского законодательства, низшего суда, налогообложения на местные нужды, содержания полиции.

По убеждению Витте, предлагаемая им программа преобразований могла вызвать замешательство, раскол в революционных рядах, переход на сторону царизма либеральной буржуазии. «Выбора нет,— заключал Витте,— или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на растерзание стихийных сил»⁴⁰.

Царь продолжал верить в «спасительную» силу полицейской нагайки. Вечером 13 октября Витте получил от него телеграмму: «Впредь до утверждения закона о кабинете поручаю Вам объединить деятельность министров, которым ставлю целью восстановить порядок повсеместно»⁴¹. О программе реформ, изложенной в записке Витте, вовсе не упоминалось. На следующее утро Витте прибыл в Петергоф и доложил, что одним механическим объединением министров, смотрящих в разные

³⁹ Записка была составлена одним из лидеров земской оппозиции, В. Д. Кузьминым-Караваевым, и впервые была напечатана под заглавием «Канун 17-го октября. Задачи правительства» в его книге «Из эпохи освободительного движения. 1. До 17 октября 1905 года». Непосредственным источником для записки послужили постановления сентябрьского съезда земских и городских деятелей. При редактировании записки Витте сделал несколько изменений, ограничивавших намеченную программу реформ.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 37, лл. 25—33.

⁴¹ См. С. Ю. Витте. Указ. соч. Т. 3, стр. 12.

стороны, «смуту» успокоить нельзя. Он прямо заявил, что если царь хочет назначить его первым министром, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать⁴².

В связи со сделанным царем еще 10 октября замечанием, что было бы целесообразнее изложить основания «записки» 9 октября в манифесте, Витте составил 13 октября краткий доклад, где не только резюмировал, но заметно смягчил и обесцветил главные ее положения. Термин «конституция» был заменен более эластичной формулой «правовой порядок», а насчет социальных реформ было лишь сказано, что «экономическая политика правительства должна быть направлена к благу народных масс», но, «разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признаваемых во всех культурных странах»⁴³. Эта оговорка могла быть легко истолкована как подтверждение неприкосновенности помещичьего землевладения. Витте надеялся, что его доклад после одобрения царем станет программой «объединенного правительства»⁴⁴.

Хитроумный ход Витте не был по достоинству оценен царем, который признавал нужным для укрепления монархических иллюзий в народе облечь акт о даровании гражданских свобод в форму царского манифеста⁴⁵. Позиция Николая II объяснялась также и тем, что он сомневался в лояльности Витте. По свидетельству князя Н. Д. Оболенского, «ближайшие к государю лица не верили в искренность графа Витте и были убеждены, что он в своих честолюбивых намерениях стремится быть президентом Российской республики»⁴⁶.

15 октября в Петергофе под председательством царя состоялось совещание, в котором участвовали великий князь Николай Николаевич, министр двора В. Б. Фредерикс, генерал-адъютант О. Б. Рихтер и С. Ю. Витте. Последний заявил, что «при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода: 1) диктатура или 2) вступление на путь конституции»⁴⁷. Витте полагал, что о неограниченном самодержавии более не может быть и речи и что надо дать конституцию⁴⁸. Затем он прочел свой проект манифеста. Присутствующие не возражали, но Витте просил царя не подписывать столь серьезного акта, не уяснив его всестороннего значения.

После отъезда Витте царь передал проект манифеста на рассмотрение членов государственного совета И. Л. Горемыкина и А. А. Будберга, приглашенных также в Петергоф, но не участвовавших в совещании. Они составили четыре варианта манифеста, из которых два последних явно носили характер компромисса с проектом Витте, причем в одном отношении они даже шли дальше проекта Витте. В них возвещалось, что царь немедленно дарует гражданские свободы, тогда как в виттев-

⁴² См. письмо Николая II к Марии Федоровне от 19 октября 1905 г. («Красный архив». Т. 3(22), 1927, стр. 168).

⁴³ С. Ю. Витте. Указ. соч. Т. 3, стр. 5.

⁴⁴ Там же, стр. 13. По мнению советского историка И. В. Спиридонова, программа уступок в «докладе» была значительно урезана по сравнению с «запиской» от 9 октября по той причине, что «с углублением и расширением революционного движения буржуазия уменьшала свои требования к царизму и все настойчивее говорила о необходимости «установления порядка». Этот поворот либеральной буржуазии и нашел свое отражение в докладе Витте от 13 октября» (И. В. Спиридонов. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М. 1955, стр. 132). Возможно, что начавшийся поворот либеральной буржуазии вправо (хотя вполне он определился только после издания манифеста 17 октября) мог быть в какой-то мере учтен Витте при составлении «доклада», но более умеренный его тон по сравнению с «запиской» был также обусловлен, на наш взгляд, неодинаковым назначением этих документов. В отличие от «записки» 9 октября «доклад» предназначался для опубликования. Неопределенно-расплывчатая форма, в которую облекались обещанные в нем реформы, облегчала царскому правительству маневрирование.

⁴⁵ Записки А. Ф. Редигера о 1905 г. («Красный архив». Т. 2 (45), 1931, стр. 89).

⁴⁶ См. С. Ю. Витте. Указ. соч. Т. 3, стр. 36.

⁴⁷ Там же, стр. 28.

⁴⁸ См. дневник А. А. Половцева («Красный архив». Т. 4, 1923, стр. 79).

ском проекте дарованию свобод должна была предшествовать выработка соответствующих законопроектов и проведение их в законодательном порядке. Зато проекты Горемыкина — Будберга не предоставляли Государственной думе решающего голоса в законодательстве и сохраняли куриальную систему выборов⁴⁹.

Прежде чем принять окончательное решение, царь захотел проконсультироваться с Д. Ф. Треповым. Вечером 15 октября ему был препровожден проект манифеста с тем, чтобы он тотчас же написал свое «откровенное мнение и всеподданнейший совет». Царь еще не оставил мысли раздавить «крамолу» силой. «Домашние» советчики Николая II — Фредерикс, помощник начальника военно-походной канцелярии императора В. Н. Орлов и другие — ожидали от Трепова «решительного ответа», так как, по их мнению, «медлить больше нельзя»⁵⁰.

В своем ответе 16 октября Трепов мирился с дарованием конституции, но считал необходимым положить в ее основу одну из самых консервативных конституций Европы — прусскую. По каждому пункту виттевского проекта Трепов сделал оговорки в реакционном духе. Он соглашался с дарованием свободы печати, совести, собраний и союзов, но вопрос о личной неприкосновенности ему представлялся «в данное время неразрешимым», а равноправие, особенно евреев, он признавал «политической ошибкой». Трепов высказывался против всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, предпочитая прусскую трехступенчатую систему. Наконец, третий пункт манифеста, по мнению Трепова, следовало изложить так, чтобы закон имел силу по одобрении его не только Думой, но и государственным советом и после утверждения императором. По вопросу о том, в состоянии ли он гарантировать восстановление порядка в столице без пролития крови, Трепов доложил, что не может «ни теперь, ни в будущем дать в этом гарантию; крамола так разрослась, что вряд ли без этого суждено обойтись»⁵¹.

Признание Трепова о невозможности подавить «крамолу» без кровопролития, по словам самого Николая II, «значительно облегчило тяжесть окончательного решения вопроса о вступлении на путь самых широких реформ»⁵². Мирясь с неизбежностью дарования конституции, царь в то же время не мог определить своей точки зрения на счет меры и объема уступок. Программа Витте казалась ему, как и Трепову, чересчур радикальной. Он предпочитал горемыкинскую «конституцию» виттевской. 16 октября около полуночи Фредерикс приехал к Витте и по поручению царя ознакомил его с двумя проектами, составленными Горемыкиным и Будбергом. Витте не пошел ни на какие уступки и еще раз просил Фредерикса уговорить царя не издавать манифеста, а утвердить и обнародовать программу будущего правительства, относя все изложенное в ней к инициативе, указаниям и воле царя. Фредерикс ответил, что вопрос о манифесте решен бесповоротно. Тогда Витте заявил, что если прочитанные им проекты манифеста признаются целесообразными, то, по его мнению, одного из авторов их и следовало бы назначить председателем совета министров⁵³.

Неизвестно, как долго продолжались бы колебания внутри дворцовой камарильи, если бы на сторону Витте не стал решительно очень близкий в то время к царю великий князь Николай Николаевич. 15 ок-

⁴⁹ «Красный архив». Т. 4—5 (11—12), 1925, стр. 92—96.

⁵⁰ «В городе слух уже распускают, что программа Витте отклонена, — писал Орлов Трепову, — момент слишком серьезен, чтобы колебаться, надо то или другое решение, но решиться надо. Мое личное мнение... реформы дать надо, неоспоримо, и от государя лично, а не от правительства будущего. С Витте кончать следует на этих основаниях» («Былое», 1919, № 14, стр. 110).

⁵¹ «Былое», 1919, № 14, стр. 111.

⁵² ЦГАОР СССР, ф. 595, оп. 1, д. 45, л. 7. Письмо царя Трепову от 16 октября 1905 года.

⁵³ С. Ю. Витте. Указ. соч. Т. 3, стр. 29—30.

тября он встретился с главарем «независимой рабочей партии» гапоновского типа М. А. Ушаковым⁵⁴. Великий князь хотел узнать, как справиться с массовыми политическими забастовками. Ушаков ответил, что рабочих «партийная интеллигенция (читай: социал-демократия.— Е. Ч.) наталкивает на революцию с требованием республики, которую большинство народа не желает... Народ ненавидит бюрократическое средостение, которое отделяет царя от народа, и желает конституционной монархии». Когда Николай Николаевич спросил: «А где же люди, которые способны и все могут это устроить?» — Ушаков назвал Витте⁵⁵.

Уверовав в возможность при помощи «конституции» добиться «восстановления порядка», великий князь отклонил предложение Фредерикса взять на себя роль диктатора. Николай Николаевич заявил, что будет, наоборот, упрашивать государя согласиться с программой Витте и подписать его проект манифеста, а если Николай II не пойдет на это и захочет назначить Николая Николаевича диктатором, то он застрелится на его глазах⁵⁶. Великий князь выразил сочувствие программе Витте и доложил царю о невозможности из-за недостатка верных войск прибегнуть к военной диктатуре⁵⁷.

В. И. Ленин в те дни с гениальной проницательностью определил соотношение сил революции и контрреволюции. В наброске статьи «Равновесие сил», сделанном 17 октября, он писал: «2) Царизм уже не в силах, — революция еще не в силах победить. 3) От этого громадные колебания. Страшное, гигантское усиление революционных явлений (стачки, митинги, баррикады, комитеты общественной безопасности, полная парализация правительства etc. — с другой стороны, отсутствие решительной репрессии. Войска колеблются. 4) Двор колеблется («Times» и «Daily Telegraph»): диктатура или конституция. Двор колеблется и выжидает. Собственно, это правильная тактика с его стороны: равновесие сил заставляет выжидать, ибо власть в их руках. Революция дошла до такого момента, когда контрреволюции нападать, наступать невыгодно... 5) Слух, будто решена конституция. Если да, тогда царь, значит, учитывает уроки 1848 года и других революций: без учредительного собрания, до учредительного собрания, помимо учредительного собрания даровать конституцию. Какую? В лучшем (для царя) случае = кадетскую.

Значение этого: осуществление идеала конституционалистов-демократов, пересказывание через революцию. Обман народа, ибо полной и реальной свободы выборов все же не будет»⁵⁸.

17 октября в шестом часу вечера царь «с тяжелой душой» подписал манифест и утвердил «доклад» Витте без всяких изменений⁵⁹. Витте был назначен председателем совета министров.

Царский манифест начинался с признания того, что своим происхождением он обязан «смутам и волнениям в столицах и во многих местностях империи». Повелев властям принять меры к устранению беспорядков, царь был успешного осуществления намечаемых им реформ признал необходимым объединить деятельность правительства⁶⁰. В его обязанности входило выполнение «непреклонной» царской воли о даровании на-

⁵⁴ Там же, стр. 43—45, 98.

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1001, оп. 1, д. 154, лл. 3—4.

⁵⁶ Записки А. Ф. Редигера о 1905 г. («Красный архив». Т. 2 (45), 1931, стр. 89).

⁵⁷ «Красный архив». Т. 4—5 (11—12), 1925, стр. 75.

⁵⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 5—6.

⁵⁹ «После такого дня,— писал в дневнике Николай II,— голова стала тяжелой и мысли стали путаться; господа, помогите нам! Умири Россию!» («Дневник императора Николая II». Берлин. 1923, стр. 222).

⁶⁰ 19 октября был опубликован указ о мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений. Совет министров превращался в постоянно действующее высшее правительственное учреждение с особым председателем. На совет министров возлагалось «направление и объединение действий» всех ведомств по вопросам законодательства и управления.

селению «незыблемых основ гражданской свободы» на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. В манифесте было обещано привлечь теперь же к участию в Государственной думе «в мере возможности» те классы населения⁶¹, которые были лишены избирательных прав по положению 6 августа 1905 года. Манифест провозглашал, что никакой закон не может получить силу без одобрения Думы, причем последней должна быть обеспечена возможность действительного участия в надзоре за действиями администрации.

Таким образом, манифест декларировал основные принципы буржуазного конституционализма, сформулированные еще в проекте русской конституции, выработанной группой членов «Союза освобождения» в октябре 1904 г.⁶², и неоднократно выдвигавшиеся на съездах земских и городских деятелей в 1905 году.

Известие о манифесте вызвало взрыв радости у буржуазии. Биржа реагировала на события повышением курса ценных бумаг. Либералы были удовлетворены уступками и обещаниями царя. «Заветные желания и мечты,—телеграфировало харьковское уездное земское собрание Витте,—объединявшие земства всей России, получают реальное осуществление во всей своей полноте». 18 октября в московской бирже состоялся молебен по случаю царской «милости» — дарования конституции. После молебна фабрикант С. И. Четвериков произнес прочувственную речь, встреченную одобрительно присутствовавшими⁶³. Одесские купечество и промышленники, высоко ценя «великий акт истории» — манифест 17 октября, приветствовали Витте как «восприемника русской гражданской свободы»⁶⁴. Подобные обращения к Витте с выражением ему полного доверия и обещанием содействия поступали от многих земских собраний, городских дум, биржевых комитетов, съездов промышленников и других буржуазных организаций.

Весть о манифесте 17 октября была встречена с энтузиазмом и иностранной буржуазией. Как доносил царский посол в Париже А. И. Нелидов, в деловых кругах Франции, заинтересованных в «скорейшем восстановлении обаяния власти и порядка», манифест произвел самое благоприятное впечатление. Доказательством этому служило повышение биржевых курсов, пошатнувшихся при известии о первых забастовках в Петербурге⁶⁵. Английская «Times» 3 ноября 1905 г. утверждала: «Только Витте может восстановить спокойствие России, и только он может защитить интересы Западной Европы, вложившей миллиарды своих сбережений в русские ценности».

Либеральная буржуазия видела значение акта 17 октября в том, что «при новых условиях открывается возможность для сторонников всех направлений, в том числе и тех, кто исходит от самых отдаленных социальных идеалов, мирным путем отстаивать свои убеждения»⁶⁶. Либералам казалось, что теперь массовое движение не будет продвигаться целиной, а войдет в мирное русло парламентской борьбы. Эти надежды разделяли, в сущности, и меньшевики, утверждая, что после 17 октября «старые оковы самодержавия пали безвозвратно»⁶⁷ и перед Россией открылась эра буржуазно-демократического «процветания».

⁶¹ В первоначальном тексте манифеста вместо «те классы» рукой Витте было написано: «рабочее население наиболее значительных центров» (ЦГАОР СССР, ф. 1000, оп. 1, д. 80, л. 3).

⁶² «Издание редакции «Освобождения». Основной государственный закон Российской империи». Paris. 1905.

⁶³ Сергей Четвериков. Указ. соч., стр. 47—48.

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, 1905 г., оп. 1, д. 30, л. 14.

⁶⁵ Там же, д. 149, л. 37.

⁶⁶ «Русские ведомости», 18 октября 1905 года.

⁶⁷ «Начало», № 3, 16 (29) ноября 1905 года.

Манифест 17 октября действительно предотвратил немедленное крушение царизма, позволив ему выиграть время. Буржуазия получила легальные возможности для организации своих сил. У части рабочих и демократической интеллигенции манифест вызвал конституционные иллюзии и тем задержал превращение всеобщей политической стачки в вооруженное восстание.

В Москве, как только стало известно о царском манифесте, общегородской стачечный комитет, в котором преобладали представители интеллигентских профессионально-политических союзов (адвокатов, учителей, инженеров и т. д.), опьяненный достигнутой победой, послал Вите приветственную телеграмму и обратился к рабочим с воззванием приступить к работе. Его примеру последовало Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза, разославшее по всем дорогам депеши о прекращении забастовки. Вслед за тем и Петербургский Совет рабочих депутатов постановил прекратить 21 октября всеобщую политическую забастовку.

Но расчеты либералов и царского правительства на скорое и прочное умиротворение страны не оправдались. Боевой авангард российского пролетариата — большевики с самого начала не питали никаких иллюзий в отношении манифеста 17 октября. В. И. Ленин видел в уступках самодержавия лишь первую победу революции, которая «далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать»⁶⁸. Большевики предупреждали, что царский манифест был уловкой, временным отступлением самодержавия на новые позиции с целью выигрыша времени и перегруппировки сил.

В обращении «К русскому народу» 18 октября ЦК РСДРП подчеркивал, что обещания царя полны «лжи и лицемерия, уверток и ловушек». Чтобы упрочить за народом завоеванные права и добиться новых, нужны не бумажные обещания, а надежные гарантии, необходимо немедленное вооружение народных масс, созыв Учредительного собрания, полная амнистия политическим заключенным и ссыльным. Обращение призывало к продолжению всеобщей стачки⁶⁹. В листовке ЦК РСДРП манифест 17 октября оценивался как стремление царизма поделить власть с буржуазией, чтобы, опираясь на нее, подавлять революционное движение. «Только всенародным вооруженным восстанием, — отмечалось в листовке, — сметем мы с лица земли врага и завоюем себе свободу»⁷⁰.

Революционным духом были проникнуты листовки местных комитетов РСДРП. Их лейтмотивом была мысль о том, что царские уступки не обманут рабочий класс, что он будет бороться до конца, пока не сметет самодержавие и не заменит его демократической республикой. В листовке Самарского комитета РСДРП «Что даст нам царь и чего мы добиваемся» был использован сюжет крыловской басни «Волк на псарне». Царь, очутившись в положении волка, попавшего на псарню, пытается морочить народ призрачной свободой и призрачными правами. Но «мы давно знаем волчью натуру и будем продолжать борьбу»⁷¹ — так звучали заключительные слова листовки.

Во многих большевистских листовках раскрывался предательский смысл призывов либералов к успокоению⁷².

После получения известий о манифесте улицы городов тотчас же заполнились народом, появились красные знамена, возникли импровизированные шествия с пением «Марсельезы» и грандиозные митинги, где

⁶⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 27.

⁶⁹ «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года». Ч. 1, стр. 196—198.

⁷⁰ Там же, стр. 199—200.

⁷¹ Там же, стр. 608—610.

⁷² См., например, листовку Одесского комитета РСДРП («Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года». Ч. 2, стр. 171—172).

открыто произносились речи о свободе. Ораторами повсюду выступали почти исключительно социал-демократы. В Петербурге, как доносил начальник охранного отделения, 18 октября «во всех местах скопления публики и демонстрантов произносились речи самого крайнего направления с призывом к дальнейшей кровавой борьбе с правительством»⁷³. На митингах в этот день принимались такие требования: полная политическая амнистия, отмена смертной казни, военного положения и усиленной охраны, учреждение народной милиции, управляемой Советом рабочих депутатов, и удаление с занимаемого поста Трепова»⁷⁴.

В Нижнем Новгороде на митингах 18 и 19 октября речи социал-демократов выслушивались с жадным вниманием и вызывали бурю восторга⁷⁵. Призыв идти освобождать томящихся в тюрьмах товарищей встречал горячий отклик⁷⁶. В Воронеже на митинге 18 октября была принята резолюция, предложенная представителями Делегатского собрания (Совета рабочих депутатов) и Воронежского комитета РСДРП. В ней выдвигалось требование созыва всенародного Учредительного собрания, немедленного объявления свободы печати, неприкосновенности жилища и полной амнистии всем пострадавшим по политическим и религиозным мотивам⁷⁷. В Риге 20 октября на многолюдном митинге (60 тыс. человек) было принято решение добиваться установления республики и до удовлетворения этого требования не прекращать стачки⁷⁸. В Варшаве польские националисты устраивали в честь манифеста 17 октября праздничные шествия, но рабочие не верили царским обещаниям, не сложили оружия и не прекратили всеобщей стачки⁷⁹. В Красноярске 18 октября на митинге в Народном доме в большинстве речей говорилось о недостаточности виттевской «конституции» и необходимости вооруженной борьбы вплоть до полной победы над монархией⁸⁰. Удержать массы в рамках мирной манифестации не было никакой возможности. Как видно из рапорта командующего войсками Одесского военного округа А. В. Каульбарса, «проявление чувств, вызванных в населении высочайшим манифестом», вылилось в форму «демонстративных процессов антиправительственного направления». Демонстранты «с вызывающим видом проходили по городу с красными флагами, на многих из которых были надписи «Долой самодержавие!». Мощные колонны демонстрантов окружили здания полицейских участков и потребовали освобождения политических заключенных, угрожая в случае отказа освободить их силой»⁸¹.

Обескураженное неожиданной реакцией народных масс на «монаршую милость», царское правительство решило показать, что и у него есть сторонники. На улицах появились «патриотические» демонстрации с пением царского гимна, с трехцветными флагами и портретами царя. Под защитой казаков и солдат, под руководством сыщиков, провокаторов и переодетых полицейских толпы хулиганов, босяков и наемных убийц организовывали еврейские погромы, избивали революционно настроенных интеллигентов и рабочих. По далеко не полным подсчетам либерального публициста В. П. Обнинского, «более чем в ста городах и притом на протяжении всего двух-трех недель разыгрались однородные и по программе и по преступности сцены дикой расправы с мирными жителями. Мenee чем в месяц было убито от трех с половиной до четырех

⁷³ Там же, стр. 375.

⁷⁴ ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 36, л. 33.

⁷⁵ «Новая жизнь», 9 ноября 1905 года.

⁷⁶ «Новая жизнь», 2 ноября 1905 года.

⁷⁷ «Большевики во главе Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г.».

Ч. 1, стр. 529.

⁷⁸ «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года». Ч. 2, стр. 226.

⁷⁹ Там же, стр. 323.

⁸⁰ Там же, стр. 65.

⁸¹ «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года». Ч. 2, стр. 179—180.

тысяч человек, а ранено и изувечено более десяти тысяч»⁸². Так только что дарованная «конституция» окрасилась кровью «свободных граждан».

Вместо осуждения неистовств и провокаций черной сотни перепуганные либералы обрушились на «революционных агитаторов», которые будто бы своими «зажигательными» речами и неумеренными требованиями вызвали жестокости со стороны царского правительства. Например, Новороссийская городская дума в воззвании (не позже 22 октября) в елейном тоне поучала: «Всякий, кому дорога свобода... должен стремиться к одной цели — к мирному восприятию свободы... Насилие, как наследие варварства, должно отойти в область преданий. В стремлении к умиротворению и свободе все партии должны объединиться... Свободные граждане должны строго и по совести соблюдать законы своей страны, пока они не заменены новыми». 27 октября городская голова А. А. Никулин, узнав, что на улицах Новороссийска расклеена социал-демократическая листовка с призывом к вооруженному восстанию с целью учреждения демократической республики, собрал экстренное заседание гласных и от имени городского управления выпустил воззвание, взывавшее к спокойствию и резко порицавшее призыв к восстанию: как «измышление врагов народа»⁸³. В Таганроге 20 октября было созвано заседание городской думы для выработки мер к предупреждению «беспорядков». Приглашенный на это заседание полицмейстер говорил «о необходимости удержать лиц социал-демократической партии от появления с красными флагами, так как это возбуждает народ»⁸⁴.

Инспирированные придворной камарильей кровавые злодеяния черной сотни, полиции и войск показывали истинную цену царским обещаниям. Эти наглядные уроки усиливали влияние на широкие большевистской партии, которая одна последовательно и самоотверженно разоблачала лживость манифеста 17 октября.

Манифест явился поворотным моментом, ознаменовавшим открытый переход либеральной буржуазии на сторону контрреволюции.

Один из виднейших идеологов и вождей русской буржуазии, П. Б. Струве, по воспоминаниям его политического единомышленника С. Л. Франка, «сразу же, с первых дней «свобод», встал в оппозицию к русскому революционному движению, остро осознал опасность и гибельность русского политического максимализма»⁸⁵.

К пересмотру тактики борьбы призывало и либеральное «Право». Оно предлагало считаться «не только со вчерашним, но и с завтрашним врагом, — не только с хищниками, которые гнездятся на горе, но и с гадами, которые пресмыкаются в долине»⁸⁶.

Почвой для сближения либеральной буржуазии и царизма была ее контрреволюционная настроенность, вызванная революционными событиями. И буржуазия и царское правительство оказались после 17 октября «по одну сторону баррикад». Поэтому не удивительно, что земско-городские деятели без колебаний приняли предложение Витте вступить в переговоры об образовании первого «конституционного» кабинета.

Витте предложил министерский портфель Д. Н. Шипову. Но тот заявил, что он принадлежал к правому меньшинству земского съезда, созванного в ноябре 1904 г., и в настоящее время не входит в состав земско-городских съездов вследствие несогласия с принятым ими направлением, а потому его вступление в кабинет не может создать атмосферу общественного доверия к правительству. Шипов советовал привлечь к участию в переговорах представителей большинства земско-городских

⁸² В. Обнинский. Полгода русской революции. М. 1906, стр. 42.

⁸³ ЦГАОР СССР, ф. 587, оп. 1, д. 103, лл. 43—45.

⁸⁴ «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года». Ч. 1, стр. 37.

⁸⁵ См. С. Франк. Указ. соч., стр. 49.

⁸⁶ «Право», № 41, 1905, стр. 3398

съездов. Витте признал соображения Шипова правильными и заметил, что он не боится общественных деятелей, придерживающихся более левых убеждений, лишь бы они «определенно сознавали необходимость поддержания авторитета государственной власти и порядка в стране в переживаемое переходное время»⁸⁷.

Затем Витте обратился к бюро земско-городских съездов, которое уполномочило для переговоров с ним Ф. А. Головина, Ф. Ф. Кокوشкина и князя Г. Е. Львова. Последние от имени только что образовавшейся кадетской партии выставили заведомо неприемлемые для царизма условия: созыв Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием, немедленное осуществление возведенных в манифесте 17 октября свобод и полная политическая амнистия⁸⁸.

Буржуазные историки будут еще долго спорить о том, была ли «бескомпромиссная» тактика кадетов политическим доктринерством (точка зрения В. А. Маклакова, В. Леонтовича, англичанина Л. Шапиро) или «политической мудростью» (взгляд П. Н. Милюкова, И. В. Гессена).

Но когда Витте обратился к Милюкову уже не с предложением министерского поста, а за советом, то последний, в сущности, отмежевался от тех требований, которые Кокوشкин и Львов выдвинули от имени кадетской партии. Он заявил, что путь к конституции через Учредительное собрание «слишком длинен, чреват боковыми толчками и катастрофами»⁸⁹. А потому на месте Витте он выбрал бы «кратчайшую дорогу»: спешно составил бы деловой кабинет из «приличных» бюрократов и немедленно октроировал бы конституционную хартию, не «освобожденческую» или «земскую», а бельгийскую или, еще лучше, болгарскую⁹⁰.

После безуспешных переговоров с депутацией бюро земско-городских съездов Витте возобновил совещания с либеральными деятелями более умеренного направления, будущими октябристами и мирнообновленцами — А. И. Гучковым, М. А. Стаховичем, Д. Н. Шиповым, князем Е. Н. Трубецким, но и новый тур переговоров кончился неудачей. Перед выборами в IV Государственную думу А. И. Гучков, выступая 15 сентября 1911 г. в Москве на собрании октябристов, рассказал о приглашении общественных деятелей в кабинет, который формировал Витте. При этом он допустил ряд неточностей, и это послужило поводом к полемике, в которой приняли участие, кроме Гучкова, также Витте, Е. Н. Трубецкой, И. И. Петрункевич. Все они утверждали, что переговоры оборвались на вопросе о том, кто будет министром внутренних дел. Витте, обеспокоенный усилением революционного движения после 17 октября, предлагал на пост министра П. Н. Дурново. Против этой кандидатуры решительно возражали Гучков и Шипов, причем они имели в виду не столько политическое, сколько моральное кредо Дурново⁹¹. Называли также Столыпина, но против него горячо возражали делегаты кадетской партии, считавшие, что в крайнем случае надо посоветовать Витте назначить министром внутренних дел скорее Дурново, чем Столыпина⁹². Соглашение не было достигнуто.

⁸⁷ Д. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М. 1918, стр. 335.

⁸⁸ Там же, стр. 339.

⁸⁹ П. Милюков. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906. СПб. 1907, стр. 184.

⁹⁰ П. Н. Милюков. Три попытки. К истории русского лжеконституционализма. Париж. 1921, стр. 24—25.

⁹¹ Будучи директором департамента полиции, Дурново при помощи своих тайных агентов выкрал у испанского посла любовную переписку с одной светской дамой. За это Александр III уволил Дурново от должности, наложив резолюцию: «Убрать этого мерзавца в 24 часа».

⁹² «Речь», 27 октября 1911 г. Письмо в редакцию князя Е. Трубецкого.

Версия о том, что переговоры Витте с земско-городскими деятелями сорвались из-за Дурново, попала и в советскую историографию. Так, М. Н. Покровский полагал, что Дурново был причиной того, что октябристы отказались войти в кабинет Витте⁹³.

Однако письма Стаховича, Трубецкого и Шипова, которые они направили Витте после прекращения переговоров, проливают иной свет на мотивы их отказа вступить в образуемый Витте кабинет. В своих объяснениях они заявляли о полном согласии с программой Витте и выражали готовность сотрудничать с правительством в качестве общественных деятелей. Но никто из названных лиц не называет причиной своего отказа Дурново. Например, Трубецкой затруднялся войти в министерство Витте потому, что, как член кадетской партии, он в своих публичных выступлениях выдал много векселей, по которым платить в настоящее время, по его мнению, было нельзя⁹⁴. Отказ Стаховича диктовался не расхождением с программой Витте, а желанием помогать правительству, продолжая свою общественную деятельность⁹⁵. По словам Шипова, вступление его и Гучкова в составляемый Витте кабинет могло принести пользу только в том случае, если бы одновременно с ними вошли представители «большинства» земско-городских съездов, объединившегося в кадетскую партию. Но, как выяснилось, на это рассчитывать было нельзя. К тому же манифест 17 октября вызвал необходимость политической организации общественных элементов, и Гучков и Шипов считали своей обязанностью содействовать объединению лиц, принадлежавших к «меньшинству» земско-городских съездов, в политическую партию (будущих октябристов). Поэтому Гучков и Шипов, независимо от того, будет или нет Дурново министром внутренних дел, во всяком случае не считали возможным войти в кабинет Витте⁹⁶.

Из сказанного можно заключить, что кадеты и октябристы (никаких существенных различий между ними тогда не было) разделяли программу Витте, рассчитанную на укрепление царизма и подавление революционной демократии. Но они предпочитали, чтобы она проводилась без их прямого участия деловым кабинетом из царских бюрократов. Свое же призвание «общественные деятели» видели в дезорганизации революционного движения путем проповеди социального мира и распрстранения конституционных иллюзий.

В связи с началом разоблачений о переговорах буржуазных партий с царскими министрами В. И. Ленин в 1911 г. писал: «Вся либеральная буржуазия России, от Гучкова до Милюкова,— который, несомненно, политически ответствен за Трубецкого,— повернула сейчас же после 17-го октября от демократии к Витте. И это не случайность, не измена отдельных лиц, а переход класса на соответствующую его экономическим интересам контрреволюционную позицию»⁹⁷.

Неустойчивость политической обстановки в стране помешала открытой сделке царизма с либеральной буржуазией. Но неоформленное соглашение между ними состоялось: царское правительство подавляло революцию военной силой, а возникшие после 17 октября буржуазные партии путем сеяния конституционных иллюзий стремились направить массовое революционное движение в мирное русло.

⁹³ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М. 1933, стр. 430.

⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 31, л. 6.

⁹⁵ Там же, л. 1.

⁹⁶ Д. Шипов. Указ. соч., стр. 346

⁹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 386.